

Наталья Томасе
Анатомия шпионства

Ищите женщину

18+

Наталья Томасе
Анатомия шпионства.
Ищите женщину

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68674322
SelfPub; 2023*

Аннотация

Франция XVII век. Шпионы и информаторы повсюду. Нет ничего, чего бы не знал кардинал Ришелье. Изабелла по воле случая оказывается между заговорщиками и кардиналом. Но в ее характера смешаны упрямство, мстительность, бескомпромиссность и любовь к флирту, и это помогает ей находиться между двух огней. Есть только один человек, который выводит ее из равновесия и все время стоит у нее на пути – Диего Альварес, таинственный, хитрый, остроумный и харизматичный полуиспанец-полуараб. Он надолго остается для нее «темной лошадкой».

Содержание

ЧАСТЬ I

7

Конец ознакомительного фрагмента.

77

Наталья Томасе

Анатомия шпионства.

Ищите женщину

ПРОЛОГ

Франция. Ажен. 1619 год.

Серое ноябрьское небо отражалось в ртутно-стальной ленте Гаронны. Ещё несколько дней назад эта река была заслонена золотыми кронами деревьев, а теперь ничто не скрывало её от глаз: ветви деревьев были сиротливо-голы. Шевалье Д'Амбре стоял у окна и наслаждался последними яркими листьями, застилающими сад, словно разноцветным ковром из восточной сказки.

– Месье, – оторвал его от размышлений голос служанки, вошедшей в комнату. – Поздравляю, хозяин, у вас родилась дочь!

...Бланка, измученная родами, чувствовала себя абсолютно счастливой. Она нежно смотрела на маленький комочек, спокойно посапывавшей у нее на руках. Всматриваясь в сморщенное личико ребенка, мать пыталась определить на кого похожа малышка. Но чем больше она смотрела на девочку, тем все отчетливее она видела лицо своего отца, возможно это из-за черных, словно воронье крыло, волосиков,

выбивающихся из-под чепчика. Бланка прикрыла глаза, и тут же отчетливо в мозгу всплыло удлиненное с крупными чертами лицо испанского графа Эстебана Афан де Рибера, младшего брата герцога Алькала. Его широкие скулы, прямой носом и глаза... карие, выразительные, с буквально пронизывающим взглядом. Бланка всегда боялась этого взгляда..., боялась и любила. В нем читалось бесстрашие, решительность, уверенность в себе и порой, даже жестокость. Выправка, жесты и походка отца походили на королевские. Он знал, что только чудом сможет унаследовать герцогский титул, но готовился к этому всю жизнь, в сердцах желая искоренить всю семью старшего брата.

Женщина открыла глаза и неприятно передернула плечами.

– Надеюсь, у нее не будет твоего дурного характера, отец, – тихо прошептала Бланка и, глядя на ребенка, громко добавила, – ты будешь добрая и понимающая, как твоя бабушка. И я назову тебя, малышка, в честь нее, в честь донны Изабеллы.

Шевалье Д'Амбре вошел в комнату. Его лицо сияло от радости, чувство гордости переполняло мужчину. Он безумно любил свою жену, а как иначе могло быть?! Ведь ради него, ради их любви, она бросила свою состоятельную семью, свою родину, свое благополучие. Наперекор воли властного отца сбежала с возлюбленным. У г-на Д'Амбре до сих пор в ушах стояли баритональные проклятия, выпущенные доном Эсте-

баном в адрес гасконца.

Они повенчались в небольшой деревенской церквушке на границе Испании и Франции, и вот сейчас господь благословил их брак.

– Странная штука судьба, – неожиданно произнес молодой отец, – я ненавидел месье Эстебана, а теперь мне придется каждый день смотреть на это личико, так похожее на него, и я., – он сделал секундную паузу и закончил, – люблю его.

– Ты тоже находишь, что она похожа на него? – счастливая мать вопросительно смотрела на мужа.

Он молча кивнул и тихо добавил:

– Может, если он узнает, что внучка похожа на него, он простит нас?

Теперь уже Бланка, не произнеся ни слова, отрицательно замотала головой.

– Мы назовем ее Изабеллой, если ты не против, – предложила молодая мать.

– Белль, – улыбаясь, с гордостью произнес отец. – Клянись, ты не будешь ни в чем нуждаться, ты получишь воспитание и образование, подобающее внучатой племяннице герцога.

ЧАСТЬ I

1

17 лет спустя.

Серый «андалузец», словно выпущенная из арбалета стрела, несся во весь опор прямо к воротам постоянного двора. Несмотря на скорость, движения лошади были пластичными и изящными. Благодаря особенностям строения ног животного это напоминало молниеносный необычный танец.

Возле самых ворот всадник натянул поводья и всадил каблуки в бока животного, заставляя его затормозить. Лошадь замедлила бег и остановилась, затем задние ноги немного пошли под туловище, она резко оттолкнулось передними ногами и, делая резкое движение головой, встало на дыбы. Люди, находившиеся во дворе ахнули, испугавшись за седока. Нездник наклонился вперед и обхватил руками шею лошади. Молодой конюх быстро подбежал, схватил поводья и опустил животное.

– Я предупреждал вас, мадмуазель, – нервно заговорил грум, – Арго не готов еще к седлу.

Всадник, вернее всадница, легко спрыгнула с лошади и, улыбаясь, погладила горделивый изгиб лошадиной шеи несколько раз, а затем игриво потрепала пышную гриву, ниспадающую на плечи.

– Все в порядке, Шарль. Завтра продолжим тренировки Арго, – бесстрашно проговорила девушка и резко сорвала с головы мужскую фетровую шляпу, дав тем самым свободу черным, густым, блестящим волосам, не замедлившим плащом упасть на спину.

– Если это еще раз произойдет, и Арго захочет встать в «свечку», – начал поучать конюший, – поверните его на маленький вольт и заставьте двигаться вперед, тогда...

Но девушка его уже не слушала, со словами «всем доброе утро» и посылая людям белозубую, дружелюбную улыбку, она шла к входу основного строения постоянного двора.

– Такая же упрямая, как и этот «андалузец», и такой же огненный взор, как у дикой необузданной кобылы, – тихо себе под нос пробубнил Шарль.

Ей на встречу вышел седовласый, но крепкого телосложения мужчина.

– Я видел учителя фехтования, ты что даже сегодня не отменишь урок? – В голосе постаревшего господина Д'Амбре слышались нотки раздражения.

Девичьи губы средней полноты, с выраженным сверху округлым изгибом лука Амура, разъехались в нечто на подобии улыбки, глубоко сидящие небольшие глаза, с пронзи-

тельным выражением в упор смотрели на отца.

Хозяин постоянного двора под названием «Жирный гусь» не любил этот взгляд. Он знал, что за ним стоит упрямство и холодная расчетливость. С каждым годом Изабелла все больше и больше напоминала своего деда графа де Рибера, который так и не пожелал увидеть ни внучку, ни свою «непутевую дочь».

– Не вижу причин отменять все, – холодно отрезала де-вушка.

– А день рождения – это не повод? – удивился отец. – И потом, мы собирались на кладбище к твоей матушке.

– Я была там утром, – соврала Изабелла и печально вздохнула.

Отец потрепал ее за светлую щеку. Яркий румянец после верховой езды и слегка растрёпанные волосы делали ее какой-то слабой, наивной и уязвимой, но это было лишь первое впечатление.

– Вообще-то, ты прав, фехтование сегодня излишне. А ты можешь сходить на могилу матушки до празднования, пока я буду повторять новый танец, – страстно проговорила она, и глаза загорелись в предвкушении чего-то приносящего ей удовольствие.

– Синьор Буджардини тоже придет? – удивленные глаза г-на Д'Амбре распахнулись, поднимая кверху густые брови.

– Почему ты удивляешься? Я должна танцевать сегодня с кем-то – спокойно и рассудительно проговорила Изабелла.

Отец не стал спорить с дочерью о том, что сегодня будет много желающих потанцевать с именинницей, и они гораздо знатнее и состоятельнее учителя – итальяшки.

И вдруг девушка заговорила на испанском:

– Что я действительно жду сегодня, это приезда маркиза де Мирабель с подарком от бабушки, – ее голос был взволнован, но взгляд оставался совершенно безучастным.

Все эти года донья Изабелла пересылала деньги на содержание внучки и подарки на день рождения. Она только однажды видела девочку, десять лет назад, когда приехала на похороны Бланки.

– Ничего не изменилось, г-н Д'Амбре, – холодно сказала она зятю тогда, – наша семья все так же не принимает ни вас, ни это несчастное дитя. Но я хочу, чтобы Белль получила все, что подобает внучке испанского графа. Все приличные девочки должны воспитываться среди монашек. Белль должна быть «правильной» женщиной, должна быть набожной, не помышляющей об измене и всегда подчиняться мужу. Посему, поместите ее для обучения в монастырь Пор-Рояль. Место не из дешёвых, но за это не беспокойтесь.

И все эти десять лет, либо сам маркиз де Мирабель, посол Испании в Париже, близкий друг семьи де Рибера, останавливался на постоялом дворе г-н Д'Амбре, привозя деньги и подарки для Белль, либо люди с таинственными и заговорщицкими лицами из его ведомства были частыми гостями в «Жирном гусе».

– Нынче беспокойные времена, – вздохнул отец, – возможно сегодня посланника не будет.

Изабелла пожала плечами и зашла внутрь помещения.

Это было двухэтажное здание с пристройками, в которых можно было оставить лошадей. На первом этаже располагалась большая и просторная комната. В ней постояльцы отдыхали, ели и общались. Второй этаж был разделен на множество комнат, в которых приезжие останавливались на ночлег.

«Жирный гусь» был не только постоялым двором, это был своего рода центр культурной жизни окрестности. Сюда приходили люди пообщаться, иногда здесь останавливались философы и поэты, бродячие актеры и циркачи устраивали представления. Здесь можно было просто выпить и перекусить, узнать о происходящих событиях в близлежащих городах и далеких странах, откуда приезжали путешественники, торговцы и коммивояжеры. Иногда г-н Д'Амбре устраивал петушинные бои и состязания по стрельбе из арбалета. Одним словом, в «Жирном гусе» всегда было многолюдно и весело.

Несмотря на то, что семья Д'Амбре имела дом в городе, отец почти никогда не ночевал там. Изабелла тоже любила оставаться на ночь в «Жирном гусе», особенно когда были какие-то праздники, или приезжал кто-то важный и интересный.

Белль поднялась в свою комнату, скинула одежду для верховой езды и налила воду из кувшина в таз; добавила несколько капель привезенного кем-то из постояльцев аро-

матического масла, и с удовольствием опустила руки в прохладную воду. Приятный запах то ли гвоздики, то ли мускатного ореха приятно защекотал нос.

Изабелла быстро ополоснула тело холодной водой, сильно растерла его полотенцем до приятного покалывания и, поглядывая на дверь, старалась подавить злость на свою служанку Николетту, неизвестно где пропадающую все это время.

Дверь приоткрылась, и Изабелла увидела в проеме хорошенькую курносую мордашку с копной рыжих кучерявых волос на голове и лучезарной улыбкой на пухлых губах. Девушка была не просто служанка, она была подруга, поверенная во все тайны госпожи, собрат (то есть со-сестра) по радости и по несчастью.

– Где ты вечно ходишь? – нервно спросила Изабелла у служки, – приготовь платье, да побыстрее, – я хочу увидеть Лоренцо до празднования.

– Значит, учесть бедного учителя танцев решена, – захихикала Николетта, от чего ее глаза стали похожи на лисьи, – он и до этого дня страдал-то безмерно, а если вы все-таки решились отдаться ему, а потом бросить, он сойдет с ума, или еще того хуже, повесится, – рассуждала служанка, затягивая корсет.

– С чего ты взяла? Да не затягивай так туго, не продохнуть, – огрызнулась Изабелла.

– Взяла что? – не обидевшись на хозяйку продолжала Ни-

колетта, – что решили отдаться или что бросите?

Перед глазами Изабеллы вдруг всплыло красивое лицо отца Бенедикта: его мускулистые руки, выразительный, пронизывающий до самых косточек взгляд. Худосочный, смазливый Лоренцо не шел ни в какое сравнение с ее первым возлюбленным. Девушка несколько раз дернула головой, чтобы прогнать видение.

– Ну надо его как-то отблагодарить за..., – Белль замолчала, подыскивая слово, – ...за его полезность, – закончила она и засмеялась.

– Короче, вы его тоже не любите, просто играете с ним, как с котенком, а сами при этом не испытываете никаких чувств, – сделала заключение служанка и стала расчесывать волосы госпожи.

– ¡Por favor! Разумеется нет. Он не тот, кому бы я отдала свое сердце.

– И как долго вы будете мучить беднягу? – поинтересовалась Николетта.

– Ровно до того момента, пока он мне полезен, – Изабелла улыbnулась виновато-озорной улыбкой. – Ну как я выгляжу?

– Как всегда, госпожа, – присела в реверансе Николь, – соблазнительная, красивая и завораживающая.

– Вуаля! – радостно воскликнула Изабелла и щелкнула пальцами.

– Ой! Забыла сказать, – заморгала глазами Николетта, – испанец приехал, – зачем-то шёпотом произнесла она.

– Так рано? – Изабель распахнула темные глаза и моргнула длинными черными ресницами, – обычно маркиз де Мирабель приезжал ближе к вечеру.

– Это не сеньор маркиз, – заговорщицки продолжала шептать служанка, – я этого месье никогда не видела тут.

Брови Изабеллы приподнялись еще выше, так что они стали изогнутыми и высокими. А Николетта продолжала:

– Этот месье какой-то неприятный, мадмуазель Белль. Нос орлиный, борода черная, большие, сверкающие, злые темные глаза, и брови черные, будто нарисованные, губы сжаты, словно боится лишнего слова сказать. Отвратительный тип!

– Ладно, посмотрим. В конце концов, по es el Diablo.

Ее мало волновала внешность нового посыльного, она была вся в предвкушении получения подарка и от свидания с Лоренцо. Она попросила Николетту оставить волосы распущенными и лишь по бокам зачесать двумя серебряными гребнями с сапфирами.

– А если этот, – Николь махнула головой на дверь, – жених ваш, присланный бабкой, тот про которого вам бабушка все время говорит? Вот он и есть подарочек ваш.

– Он не говорит, что бабушка должна прислать мне мужа, – зло скривилась Изабелла, – он говорит..., – Изабелла замолчала и пристально взглянула на служанку.

И Николетта поняла, что все эти разговоры за «правильно подобранного жениха», ее госпожа воспринимает болезнен-

но и неоднозначно.

2

Белль не любила подчиняться, а сейчас ей пришла в голову мысль, что, возможно, Николь права, и ее обуяла откровенная злость. В таком состоянии с чувством раздражения, гнева и досады она выскочила из комнаты и натолкнулась на молодого человека, проходящего мимо ее дверей. Резкий запах лаванды, исходящий от мужчины, ударил ей в нос. Она чертыхнулась и вскинув глаза на незнакомца, грубо выпалила:

– Вы что глаза дома оставляете, когда отправляетесь в путешествие?! Там же надпись «Вход воспрещен».

Девушка выглядела, будто взбалмошный арабский скакун с горячим темпераментом и нравом, темные выразительные глаза бесстрастно смотрели на мужчину, метая «огненные стрелы», словно Зевс со своей колесницы молнии на землю. Мужчина в замешательстве остановился.

– Я... мне... я...к г-ну Д'Амбре, – неуверенно бормотал он, не в состоянии оторвать взгляд от дерзкой бесцеремонной девицы.

– О боже! Мало того, что вы, сударь, без глаз, вы еще и без языка. Не можете связать двух слов, чтобы объяснить, – презрительно бросила она и легко, словно порхающая бабочка, сбежала по лестнице вниз.

Она произвела неотразимое впечатление на молодого человека. Какой-то чувственный, возбуждающий подтекст читался абсолютно во всем: в ее манере общения, в ее голосе, во внешнем виде. Да, он был поражен. С одной стороны, она была груба и нахальна, а с другой, в ней чувствовалась какая-то порода: прямая осанка, гордо поднятая голова, прямой взгляд, изящество движений.

«Интересно, кто это? Сама сеньорита или кто-то из слуганок? – усмехнулся про себя гость, и медленно спустился в общую залу.

Белль выскочила во двор и поспешила в конюшню.

– Шарль! – позвала она грума.

Парень откликнулся, и она пошла на его голос.

– В какой карете приехал испанец? И сколько с ним людей? – она пристально посмотрела на конюшего.

– Ни в какой, – пожал плечами Шарль, – он верхом. Сильный малый, – заключил грум, – по-видимому, привычный к седлу.

– И смелый, – дополнила Белль, – раз без сопровождения в такое время.

Она не спеша возвращалась в центральное здание постоялого двора и размышляла, что же могла передать ей бабушка, если ее посыльный налегке. «А если Николетта права, и он и есть мой подарок?! – ужаснулась девушка, – тогда, бежать. Лоренцо? О, нет, только не с ним!» – хихикнула Белль

После ее возвращения из монастыря шесть месяцев назад

она пожелала брать уроки танцев. После небольшого конкурса учителей она остановила свой выбор на синьоре Лоренцо, молодом, улыбочивом, невысоком жгучем брюнете родом из Неаполя. Он был удостоен внимания вовсе не по тому, что он был симпатичный, учтивый и темпераментный, и уж вовсе не за его профессиональные навыки. Мадмуазель Изабелла Д'Амбре изначально имела план, осуществить который мог бы ей помочь только «роковой обольститель», каким ей показался Лоренцо. Ей надо было, чтобы молодой человек, пытаясь обольстить ученицу (в надежде, что она будет платить ему больше), попался сам в ее сети. Что успешно и произошло. Лоренцо и не заметил, как влюбился в красивую, страстную и непокорную синьорину. Любительница шахмат, разыграла партию, в которой не она платила учителю, а он ей. Вернее, деньги, которые она брала у отца для оплаты уроков, спокойно оседали у нее в ларце, а бедному учителю доставалась еда и вино в «Жирном гусе», ну, и немного жарких поцелуев с уверением, что после ее дня рождения, он может надеяться на большее.

Вспоминая это, Бель пришла к решению, что если «ЭТОТ» ее жених, она сбежит в Париж, благо деньги на это есть.

А в это время Диего Альварес, посыльный его Величества короля Испании Филиппа IV, сидел в углу за дубовым столом и наслаждался поеданием жареных куропаток, гусяного паштета и дегустацией отличного «Шардоне» из Лангедока.

Вдруг импровизированный хор из множества мужских и женских голосов затянул поздравительную песню. Сеньор Диего повернул голову к дверям и увидел ту самую «необузданную черную лошадку», с которой он столкнулся в частных покоях «Жирного гуся».

«Значит все-таки это сеньорита Изабелла Д'Амбре собственной персоной... а жаль, со служанкой можно было бы неплохо повеселиться», – улыбаясь подумал молодой мужчина и присоединился к поздравительному песнопению.

Две девушки с корзинами в руках подбежали к Белль и стали обсыпать ее сухими цветками лаванды и лепестков роз. Именинница явно не ожидавшая такого приветствия от постояльцев, немного смутилась, ее щеки тронул небольшой румянец. Какую-то долю минуты ею овладело чувство замешательства, глаза, смотревшие на окружающих, были словно у невинного ягненка, что делало ее где-то немного глуповатой.

«Как может сочетаться в одном человеке ураган и святая простота и наивность, – промелькнуло в голове у Диего, – ну, или она хорошая актриса и играет роль. Вопрос, где она настоящая: взбалмошная там на лестнице, когда никто не видит или простодушная здесь среди людей?»

Заиграла музыка, и народ пустился в пляс. Ноги танцующих в деревянных башмаках быстро передвигались маленькими шагами, отбивая в такт музыке.

На середину вышел хозяин постоялого двора и три раза

хлопнул в ладоши. Музыка и голоса смолкли.

– Ровно семнадцать лет назад родилась моя дочь, это очаровательное, прелестное создание, – и он протянул руку в сторону Изабеллы, – мадмуазель Д'Амбре, внучка графа Эстебана Афан де Рибера и племянница герцога де Алькала, – гордо перечислял он, – и просто моя Белль! Поздравляю тебя, дите мое!

С этими словами он достал из ящика – шкатулки жемчужное ожерелье с изумрудной подвеской и повесил его на шею дочери. Повисла гробовая тишина, и десятки глаз устремились на шею Изабеллы.

«Никак это от наших конкистадоров, бьюсь об заклад, что эта вещьца из храмов ацтеков», – подумал Диего и немного хриловатым, словно простуженным голосом, прокричал, разорвав тишину:

– Bravo, сеньор Д'Амбре! – он встал, захолопал в ладоши и крикнул еще раз, – bravo, сеньорита Изабелла! Bravo, племянница герцога де Алькала!

Белль резко обернулась в сторону выкрикивающего. Ей вдруг показалось, что он над ней издевается. На его устах блуждала хитрая улыбка, тогда как взгляд оставался серьёзным. В его колючих темных глазах было недоверие и... наглость.

И тут же множество голосов подхватили хвалебные восклицания.

– Белль, – услышала она голос отца, – сеньор маркиз не приехал, он болен, но донья Изабелла отправила подарок с другим гонцом. Он сказал, что лично передаст тебе его.

Девушка лишь пожала плечами и увидела входящего Лоренцо с огромным букетом цветов. Ни один мускул не дрогнул на ее лице.

Молодой человек вошел в залу с открытой улыбкой, приоткрывающей верхние зубы, он пожирал именинницу влюбленными глазами, его взгляд скользил по всему ее телу, останавливаясь на пышных местах. При этом он даже не скрывал своего пылающего взора, словно хотел показать всем свои права на эту девушку.

– Ага, а вот и учитель танцев! – воскликнул господин Д’Амбре, – ну-ка, синьор Буджардини, продемонстрируйте нам, за что я плачу деньги, – и он залился хмельным хохотом, – что там нынче в моде?

– «Ригодон»! Или вы предпочитаете менее пристойную «Сарабанду»?

Все повернули голову в сторону откуда было выкрикнуто название танцев.

Дон Диего, а это был он, приподнял кубок и отсалютовал Изабелле. Девушка зло зыркнула на гостя, она почувствовала, как комок раздражения подкатывает к горлу, этот наглец порядком ей надоел.

– Будем надеяться, – ехидно ввернул гость, – синьор Буджардини добросовестно отработывает свои деньги, а не как

его предки, судя по его фамилии, – и он засмеялся каким-то демоническим смехом. Его издевательский тон добивал Изабеллу.

Она хотела ответить ему колкостью, но передумала, лишь отметила про себя: «Не здесь, сеньор „Выскачка“, но клянусь, я еще поставлю вас в идиотское положение перед всеми».

Музыканты заиграли веселую жизнерадостную музыку, и к Изабелле с Лоренцо присоединились другие пары, они двигались со свойственной южанам подвижностью, быстротой и темпераментом.

Изабелла не думала о танце, она думала о приезде. Он ей не нравился. Всем своим видом этот высокомерный господин показывал свое превосходство над другими, словно он – король, а все в округе мелкие сошки. Изабелла привыкла, что мужчины в ее руках становились мягким комком чувств, из которого она могла лепить абсолютно все, что хочет. А этот месье «Воображала» позволял себе дерзить и издеваться над ней. Нет, он ей однозначно не нравился. Вдруг она почувствовала, как руки Лоренцо обхватили ее стан крепче, чем того положено в танце. Он смотрел на нее бесстыжими глазами, явно давая понять девушке о его желаниях.

– Лоренцо! – одернула его Изабелла, – не здесь... и вообще, нигде и никогда больше, – холодно произнесла она и скинула его руки со своей талии. Она выбежала на улицу, оставив парня стоять посреди танцующих в недоумении.

Дон Диего, потягивая «Шардоне», лукавыми глазами наблюдал за происходящим.

«А девица себе цену знает», – улыбаясь подумал он и, встав из-за стола, вышел вслед за девушкой.

3

Белль нужно было остудить голову. Что с ней происходит? Прикосновения Лоренцо, когда-то желанные, вдруг стали ей неприятны, и почему ее взгляд постоянно непроизвольно ищет этого наглеца, который все время подтрунивает над ней.

«А если он и есть посланник от бабушки? – предположила мысленно она, – скорее нет, человек с подарком для меня разве позволил бы себе такое поведение? Нет, однозначно нет. И вообще, что за ерунда, почему мой отец хозяин постоянного двора, а бабка разъезжает в карете с гербами?! Почему мы не в Испании, раз испанская родня такая состоятельная и влиятельная?!»

Белль злилась на себя за то, что не понимает что происходит, за то, что она не может контролировать ситуацию. У нее даже испортилось настроение, и разболелась голова. Она не заметила, как размышляя о происходящем, ноги привели ее на кладбище на могилу матери. Девушка молча стояла напротив входа в склеп, словно желая получить ответы на так мучащие ее вопросы.

Тишину кладбища нарушил крик ворон, словно кто-то спугнул их. Белль обернулась и увидела поодаль стоявшего мужчину, закутанного в плащ и со сдвинутой шляпой на глаза. Она немного испугалась, но незнакомец быстро снял шляпу и поклонился, подняв в воздух дорожную пыль длинным черным пером. Это был «надоедливый» господин с постоялого двора.

– Вы действительно оставили глаза дома, сударь, – мягким, завораживающим голосом, произнесла девушка, подходя к молодому человеку, – что за средневековая дикость гулять по кладбищу? Для путешественника это место странный выбор для прогулки.

– Я провел много часов в седле, впереди у меня еще долгий путь. Мне надо прогуляться, чтобы размять ноги, – равнодушно, пожимая плечами ответил испанец по-французски и добавил уже на испанском, – итак, сеньорита, вы Изабелла Д’Амбре. Мое имя Диего Альварес. Я еду от короля Филиппа с посланием к его сестре королеве Анне.

Это было сказано с такой важностью, словно он объявил себя миссией, сошедшей спасти человечество. В его взгляде уже не было язвительности и ехидства, только высокомерие и чувство собственного достоинства.

«Мадонна! Все же это испанский посланец, а я вела себя как деревенщина. Что он скажет бабушке обо мне?! – Белль мысленно занималась самобичеванием, – стыд-то какой!»

– У меня подарок для вас, сеньорита, от графини Афан

де Рибера, – продолжал испанец широко расставив ноги и положе руки не эфес шпаги.

Но Белль его не слушала, продолжая корить себя:

«А я и есть деревенщина! Что он сказал? Он посланник короля?! Но он так молод! А я?! Кто я в свои семнадцать лет?! «Неконтролируемый ураган», как говорила матушка-настоятельница, «смутьян и мятежник?!»

Ее мысли были прерваны движением испанца, расстегающего камзол. В глазах Белль повис вопрос. Она сделав шаг назад и, наткнувшись на чью-то могилу, потеряла равновесие. Тело медленно стало приседать, но крепкие руки Диего поддержали ее.

Белль улыбнулась в ответ:

– Оставьте крест у себя, отдадите его за ужином. Вы же присоединитесь к нам? – на Диего смотрели выразительные глаза с пронзительным взглядом.

– Если честно, я хотел уехать сейчас же, но пожалуй, я останусь на ночь и отправлюсь в путь на рассвете.

Он повесил крест обратно на шею и застегнул камзол.

Белль и Диего медленно пошли в сторону постоялого двора.

– Значит, вы внучатая племянница герцога де Алькала, – немного удивленно констатировал молодой человек, – я не знал этого, когда ехал сюда.

– Вам только сказали, что подарок для мадмуазель Д'Амбре? – Белль грустно вздохнула, но в глазах сверкнула искра

ненависти.

Диего хотел задать множество вопросов, возникших у него, но он не решился, видя, что девушка стала задумчиво печальной.

– Вы напишите... бабушке? Я заеду на обратном пути и заберу ваше послание, – предложил сеньор Альварес.

– Я никогда не писала ей. По моему отец получал письма и отвечал на них, – зло буркнула Белль, но вдруг подумала, что хорошо бы познакомиться с этой графиней, которая не хочет официально признавать ее. Это может пригодиться в будущем. Зачем? Белль еще не знала, но в мозгу очень хорошо засела мысль, что надо как можно больше узнать о семействе де Рибера, и этот испанский посланец, как никто другой может помочь ей в этом. – Хорошо, сеньор Альварес, я напишу благодарность за подарок, – и она послала Диего очаровательную улыбку.

4

Ужин состоялся в городском доме Д'Амбре. Двухэтажное здание, выкрашенное в бежевый цвет, выглядело пышно и торжественно за счет лепнины, отвесных карнизов и высоких колонн. Просторное крыльцо напоминало террасу. «У господ Д'Амбре отменный вкус», – подумал Диего, подъезжая к дому.

Изабелла тщательно подошла к выбору наряда к ужину.

Она хотела понравиться Диего Альваресу. Даже более того, она желала, чтобы он увлекся ею. Чем больше он будет привязан к ней, тем больше информации она сможет выведать у него.

Она выбрала темно сапфировое платье с серебряной нитью и с очень глубоким округлым декольте, лиф был украшен жемчугом, а безукоризненно белые кружева на отложном воротнике и манжетах выгодно подчеркивали белизну ее кожи.

В гостевой комнате был накрыт стол с массивной столешницей из цветного мрамора. Особенно замечательны были его ножки – богато инкрустированные, в виде женских фигур, поддерживающих столешницу. Края стола были украшены богатой резьбой и инкрустацией.

Диего, привыкшей к роскоши испанского двора, был приятно удивлен, увидя изысканный интерьер «деревенского» дома.

«Да-а. Несомненно, дела в „Жирном гусе“ идут превосходно. Жемчужное ожерелье..., дом, достойный достопочтенного вельможи. Хотя, возможно, испанские родственники помогают французской семейке», – размышлял он, рассматривая роскошные гобелены на стенах гостиной.

Дверь открылась, и в комнату впорхнула улыбающаяся Изабелла. Диего не мог оторвать взгляд от нее, она была словно магнит, притягивающий к себе взор, симпатию и расположение.

А Изабелле вдруг показалось, что испанец какой-то другой, он был словно выше ростом и великолепным с головы до ног, от загорелого мужественного лица до ослепительно начищенных ботфортов.

– Сеньор Альварес! Я рада, что вы не отказались присесть к нам. К сожалению, отец будет немного позже, но это не мешает нам начать трапезу без него, если не возражаете, – лепетала она чарующим голосом.

Диего был даже рад, что он сможет побыть с девушкой наедине, а эти истуканы слуги были для него невидимыми, словно их не было в комнате вообще.

– Итак, сеньор Альварес?! – Белль вопросительно смотрела на гостя.

– Итак, сеньорита Изабелла?! – важничал, словно павлин испанец. – За ваш день рождения! – и он поднял кубок и приложился к нему губами.

– В Арагоне, откуда я родом, вина крепче, чем здесь; у нас они более сложные и терпкие. «Гарнача Тинта» – основной сорт винограда, который используют арагонские виноделы. Кстати, сударыня, ваши французы паломники, что идут в Сантьяго-де-Компостела, на обратном пути тащат во Францию с собой лозу испанского винограда. Так что не удивлюсь, что со времени французские вина станут не такими легкими и сладкими, как сейчас.

– Откуда такие познания в вине? Я могу предположить, ваш батюшка занимается виноделем? – съязвила Белль.

Диего рассмеялся:

– Иногда мне хочется, чтобы он был простым идальго, чтобы люди меня с ним не сравнивали.

– И ваш отец...?

– Слишком важный человек в королевстве, сеньорита, чтобы вот так просто обсуждать его, – ушел от ответа сеньор Альварес.

– Вы сказали, что вы посланы вашим королем к нашей королеве. И вы..., – она не успела закончить предложение, как Диего перебил ее.

– Я сказал? – он вопросительно посмотрел на Белль и откусил кусок хлеба, обильно смазанный гусиным паштетом, – я, сеньорита, ничего подобного не говорил.

Изабелла была в замешательстве:

– Там, на кладбище, вы сказали, что едете в Париж с посланием к королеве Анне, – растягивала она слова.

– Нет, сеньорита Изабелла, у меня нет при себе никаких писем. И потом, кто может подтвердить, что я это говорил? – он смотрел на девушку честным, благородным взглядом.

«Какая каналья!» – подумала Изабелла.

А Диего продолжал:

– Я действительно еду в Париж, но не с посланием, а навестить своего старого приятеля виконта де Бомон-Васси.

Белль смотрела на него с недоверием, ее дыхание стало громким, и она несколько раз передернула носом, словно в ее ноздри стал заползать запах гари. Опять этот сеньор «Вы-

скочка» издевается над ней.

– Ну хорошо, – серьезно проговорила она, – полагаю, ваше имя осталось тем же и вы...? – она сделала многозначительную вопросительную паузу.

– Диего Альварес, сеньорита, к вашим услугам, – он утвердительно кивнул и, улыбаясь, но с холодным и пристальным взглядом, продолжал изучать лицо Изабеллы.

Белль молча хлопала глазами: было понятно, что дон Диего Альварес не простой сеньор, а благородный идалго, кичившийся своей родовитостью и боящийся уронить престиж своего, по всей видимости, знатного рода. Он никакой-то там гасконский шевалье или сын обедневшего итальянского виконта, типа Лоренцо. Ну что ж, просто ей придется приложить массу усилий, чтобы подчинить его своей воли.

– Когда вы возвращаетесь в Испанию? – поинтересовалась она.

– Дней через двадцать – двадцать пять. Я заеду к вам за ответом для графини де Рибера.

– Не понимаю, зачем ей этот ответ, она все равно его не ожидает?! – Изабелла дразнила испанца, заставляя Диего настаивать на письме.

– Ну хорошо, я просто хочу к вам заехать, – он смотрел на девушку искренним и открытым взглядом, – хочу к вам заехать, потому что мне понравилась..., – он сделал паузу и смущенно отвел взгляд в сторону.

Белль ожидала услышать свое имя, но дон Диего уверенно

произнес:

– Фуа-гра, – он хитро улыбнулся, – это лучший паштет, который я когда-либо ел, – закончил он фразу, лукаво глядя на Изабеллу.

Она была готова его придушить за насмешку, сарказм и цинизм, извергаемый его гадким ртом, но таким соблазнительным. Она даже на секунду представила, как она прикасается своим собственным языком к его нижней губе, которая казалось не такой уж и тонкой в момент, когда ее обладатель что-то произносил. – Что вы знаете о моем рождении? – неожиданно спросила она, постукивая кончиком пальца о мраморную столешницу.

– Ровно столько, сколько и вы о моем, – в тон ей ответил Альварес, – однако, уже поздно, с рассветом мне в дорогу, так что позвольте откланяться, сеньорита, – сказал Диего, вставая из-за стола.

Изабелла проводила его до двери. Он прильнул к ее руке. Его губы задержались в поцелуи дольше, чем того требовало приличие, затем он перевернул ее ладонь и поцеловал запястье. Губы Изабеллы тронула легкая ухмылка победителя.

– С меня подарок, дорогая сеньорита.

Девушка одарила его очаровательной улыбкой и, дотронувшись до его груди, сняла с камзола кусочек гусяного паштета и положив его к себе в рот, облизав палец.

Диего был удивлен реакции своего тела на этот немного запрещенный трюк соблазнения и поспешил покинуть дом.

– Мадмуазель Изабелла, вам нужен другой учитель, вернее, вы уже сами можете давать уроки, – учитель фехтования г-н Бензома хихикал себе в усы, но был горд и доволен успехами ученицы, – будь вы мужчиной, вам была бы прямая дорога в Париж к де Тревилю. В вас бурлит настоящая гасконская кровь, ему такие люди как вы нужны.

– Я подумаю о ваших словах, сударь, в конце концов, я умею носить мужской костюм. А пока, еще раз, дорогой мой г-н Бензома, – уверенно и бойко сказала Белль и приняла стойку.

Они скрестили шпаги, и звуки скрежета и ударов благородного металла донеслись до слуха въезжающего во двор сеньора Диего. В одном из фехтующих он узнал Изабеллу, одетую в мужское платье. Ее довольное, улыбочливое и полное энергии лицо покраснело от быстрых движений, делая обладательницу его очаровательной.

– Вашему мужу будет нелегко с вами, дорогая сеньорита Изабелла, – громко и язвительно крикнул он ей.

– Хотите попробовать, сеньор «Забияка»? – парировала Белль, узнав его голос и продолжая атаковать г-на Бензома.

Диего спрыгнул с лошади и подошел к фехтующим.

– Попробовать что? Быть вашим мужем? – голос его был ироничным.

Белль отступила назад, давая возможность г-ну Бензома сделать выпад, растягивая стойку, и в этот момент, она, повернув корпус, резко отскочила, уходя с линии атаки, и с ловкостью полоснула шпагой, разрезая воздух рядом с боком учителя. В настоящем бою, возьми она немного выше, г-н Бензома остался бы с перерезанной глоткой. Затем она резко повернулась к Диего и подошла к нему.

– Защищайтесь, сударь, или я убью вас за вашу дерзость, – и она приставила клинок к груди Диего.

– Я не сражаюсь с женщинами, – спокойно проговорил он.

– Даже если они угрожают вашей жизни? – она слегка надавила на эфес, и острое проткнуло его камзол.

Лицо мужчины оставалось спокойным. Но вдруг в его руке каким-то странным образом, словно ниоткуда, появился кинжал. Изабелла даже не поняла, как это произошло, так быстро было движение мужчины. Диего с силой ударил по шпаге, выбив ее из руки девушки, сделал шаг вперед и подставил дагу к горлу Изабеллы. На нее смотрели холодные, темные, почти черные миндальные глаза.

– Урок первый, сударыня, не будьте столь уверенны в себе, даже если вы вооружены, а ваш соперник нет. Урок второй, если у вас выбили шпагу, у вас должен быть еще и кинжал. Урок третий, если противник думает, что все же разоружил вас полностью, вам необходимо нечто, что может сойти за оружие, например . . . , – с этими словами он опустил кинжал, засунул его за спину, и, подойдя к лошади, достал из кожа-

ного меха, закрепленного на седле, небольшую шкатулку и передал ее Белль.

– Я обещал вам подарок, – ласково проговорил он, – это то, что вам надо. Я сначала сомневался, но теперь абсолютно уверен в этом.

Испанец благодарил Господа, что он во Франции, а не дома, где подобный дорогой подарок женщине, мог бы показаться оскорбительным намеком на желание близких отношений с ней. Впрочем, Изабелла ему действительно нравилась, и он хотел, чтобы она это знала.

Между тем, девушка подняла крышку. На красной подушечке лежала заколка в виде стилета, украшенная рубинами и россыпью мелких алмазов.

– Снимите ножны и коснитесь кончика, – сказал Диего, – только аккуратно.

Конец был острозаточенный. Белль вопросительно посмотрела на Диего.

– Это может быть как дамской безделицей, поддерживающей волосы, так и опасным оружием. Когда я увидел это в Париже, я подумал за вас. Эта вещица, как и вы, на вид милая и красивая, но может быть опасной.

– Я вам показалась опасной? – удивилась Белль, смотря на Диего щенячьим взглядом.

– Ну если не опасной, то острой на язык, – мужчина явно подтрунивал над ней, – как стилет.

– Вы несносны, сударь! Но за подарок спасибо, – и она

чмокнула Диего в щеку, – идемте, месье «Заноза», отметим ваше возвращение, свежеприготовленная гусиная печень ждет вас, и хлеб только утром испекли...

6

Быстро пролетел месяц и наступило Рождество. Все домочадцы в доме Д'Амбре верили, что он несет надежду на счастье, на исполнение желаний, на избавление от напастей и бед, на долгожданный мир. Изабелла любила Рождество, в это время ею всегда овладевало странное чувство, что должно случиться что-то волшебное и радостное. Она была верная католичка, но именно перед рождеством ее врожденная тайная тяга к мистике и магии усиливалась.

Проснувшись, она вертелась в постели, долго не решаясь засунуть руку под подушку, чтобы достать одну из четырех карт, положенных вечером перед сном.

– Итак, Белль, – сказала она сама себе, – кого вытащишь, тот и будет твоим суженым, – и она смело выдернула карту из-под подушки. – Карамба!– только и сказала девушка, уставившись на трефового короля.

«Ерунда все это, – молча подумала она и, встав с постели, накинула халат, – с какой стати я должна буду выйти за вдовца?!»

В этот момент в комнату вошла Николетта.

– Вы уже на ногах? А я думала вас будить, в сочельник-то

вернулись поздно из собора, – громко и радостна сказала она, – с Рождеством, госпожа! Прохладно с утра, надо что-то потеплее надеть, – причитала она, распахивая занавески.

– Выбери сама что-нибудь, мне все равно, – равнодушно сказала она служанке.

Николетта бросила взгляд на подушку, где покоилась «карта судьбы».

– Из-за этого? – она пожала плечами, – ну это ж не пиковый – старый и ревнивый. Трефовый вполне может быть и молодым, и богатым и любимым, – философски проговорила она.

Хозяйка грустно улыбнулась, и началась долгая процедура одевания.

Изабелла в черном строгом платье, расшитом золотом, вошла в гостиную и втянула носом приятный запах елки, подвешенной к потолочной балке по старой традиции. Символ Рождества был наряжен яблоками, собранными в октябре и сохраненными специально для этого случая, облатками, золотыми «волосами ангела» и бумажными обёртками в форме роз.

Девушка дотронулась до креста на шее, привезенного Диего Альваресом, и улыбнулась, она поймала себя на мысли, что скучает по нему, скучает по его сарказму, острому уму, даже по его миндальным глазам. Она вздохнула и, мысленно поздравив его с Рождеством, позвала Николетту, чтобы отправиться в собор Святого Капрасия на дневную службу.

Молодой епископ Бартелеми д'Эльбен заканчивал службу поздравлением все верующих. Он только год назад прибыл в Ажен, и за его спиной многие шептались, как он умудрился из простого клерка прыгнуть в графы и епископы одновременно.

– Ах, жаль, что он прелат, – шепнула Николетта на ухо Изабелле, – он такой душка.

– А что же жаль? Назначение епископом одновременно не означает лишение его мужского начала, – хихикнула Белль, вспоминая, как она соблазняла отца Бенедикта.

– Вы думаете есть шанс? – служанка не сводила с Бартелеми своих больших зеленых глаз.

– Только не здесь и не сейчас, – Изабелла дернула Николь за руку, – пойдём.

Белль, склонив голову, подошла к чаше со святой водой. Вдруг человек, находившийся за колонной, перегородил ей доступ к святыне, и опустив руку в чан, зачерпнул воду и протянул ее Изабелле. Белль подняла глаза, и ее губы расплылись в улыбке. Перед ней стоял сеньор Диего Альварес собственной персоной.

– Вы? Тут? – она смотрела на него с удивлением и восторгом одновременно.

– С Рождеством, сеньорита Изабелла!

Девушка прикоснулась к агиасме в большой ладони мужчины и осветила себя крестным знаменем, произнеся: «In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti!»

Затем, пристально глядя в глаза Диего, спросила:

– Зачем вы тут? – она словно желала прочесть самые сокровенные мысли в его голове.

Альварес молча предложил ей руку, Изабелла облокотилась на нее, и они под шепот за их спинами, покинули собор.

– Ступай домой, – кивнула она, идущей за ними Николетте, и, повернув лицо к испанцу, повторила свой вопрос.

– Если я скажу, что много времени уделял мыслям о вас, вы мне поверите?

– Нет, – хихикнула она.

– И правильно сделаете, – театрально вздохнул Диего.

Лицо Изабеллы вытянулось от его нахальства, а Альварес продолжал:

– Я слишком много времени уделял этому, слишком много, непростительно много, сеньорита Изабелла.

Белль ужасно захотелось щелкнуть пальцами и воскликнуть «Вуаля!», но чувство такта удержало ее от этого.

– Знаете о чем я думаю, что мне не дает покоя? – он загадочно смотрел на Белль. – Этот ловкий трюк, что вы использовали, фехтуя с вашим учителем.

Девушка широко распахнула глаза в удивлении:

– Трюк? Вы проделали больше ста лье в Рождество, чтобы спросить меня про какой-то фехтовальный прием? Сеньор Альварес, вы либо идиот, либо очень эпатажный человек, – ее голос не был злым, ей нравилась его честность, способность сделать «поступок», его эмоциональность и решитель-

ность.

– Кто бы говорил?! Дама, что обожает «жалить» своих собеседников, говоря им колкие, нелицеприятные вещи?! Вам тоже не чужды провокации, дорогая сеньорита Изабелла, чего только стоит ваш пальчик с паштетом, – и он соблазнительно облизал губы.

От него не ускользнуло, как легкий румянец покрыл щеки Изабеллы, и он двусмысленно и озорно улыбнулся.

– Значит, фехтовальный прием, – только и сказала Белль.

– А вы что подумали, сеньорита? Я что похож на человека, который будет целыми днями и ночами напролет думать о девичьих глазках, даже таких соблазнительно-манящих, как ваши?!

– Вы... вы..., – она не могла подобрать слово, – вы, сударь, пес бродячий. Я понимаю, почему ваши родственники не желают вас видеть на Рождество, и вы сбегаете во Францию, якобы узнать о каком-то дурацком фехтовальном приеме, – зло и язвительно выпалила Белль.

Оливковая кожа на лице Диего побледнела, узкие губы превратились практически в полоску, а тонкий орлиный нос казалось еще больше удлинился. Мужчина напрягся, словно сжатая пружина, и Изабелла вдруг поняла, что прикоснулась к какой-то тайне, до чего-то сокровенного, о чем Диего Альварес предпочитает умалчивать, ну или во всяком случае, не обсуждать. Он находился в таком эмоциональном ступоре какую-то минуту, затем, он кашлянул, словно прочистив

плотку, и его губы разъехались в саркастической улыбке:

– Вы правы, сударыня, я отъявленный мерзавец, и поэтому вместо того, чтобы присоединиться к свите моего короля в Толедо, я решил отыскать для себя бедную невинную овечку на гасконских пастбищах. Но случай посмеялся надо мной, и вместо «овечки» послал мне «скорпиона».

– Ну, почему сразу «скорпиона»? – Белль скорчила невинную физиономию, – я иногда могу быть очень милой. Раз уж вы не можете спать из-за дурацкого отскока, и это портит вам жизнь, я покажу вам технику, но..., – она сделала паузу и, ткнув указательным пальцем в грудь Диего, произнесла заговорщическим тоном, – но услуга за услугу.

– Ну это вы могли бы и не говорить, – засмеялся сеньор Альварес, – зная вас, я бы удивился, если бы вы согласились показать прием по доброте душевной.

– Вы считаете меня еще и меркантильной в добавок.

– Я сказал только то, что сказал, сударыня. Итак, ваша цена?

– Вы рассказываете мне все, что знаете о моих испанских родственниках.

– Только и всего?! – Диего откровенно был удивлен, – я ожидал, как минимум, просьбу сопровождать вас в Париж, как максимум, предложение на вас жениться, чтобы фехтовальный пассаж остался в семье, – и он рассмеялся.

Белль вспыхнула:

– За кого вы меня принимаете?

– За особу, которой предписано, как вы выразились, вашими испанскими родственниками, вернуться в монастырь и принять подстриг.

Изабелле показалось, что она проглотила жабу. Она не могла ни то, чтобы вымолвить слово, она не могла сделать вздох, в груди все сжалось, румянец сошел с ее лица, и ее бросило в пот. Она услышала, как Диего произнес только первые буквы ее имени «Исса...» и потеряла сознание.

7

Она пришла в себя полулежа на руках дона Диего, подносящего к ее носу какой-то синий флакончик с резким сладким запахом. Ей вспомнилось его «Исса...», и тут же перед глазами всплыла картина, как отец Бенедикт, сгорая от страсти, лишь смог проговорить эти первые буквы ее имени перед тем, как накрыл ее рот своим. Ей тогда казалось, что монах вложил в этот поцелуй всю его любовь, он словно пытался дотянуться языком до ее внутренностей...

Мягкий, густотой и бархатный баритон Диего вернул ее к реальности:

– Сеньорита?! Вы в порядке? Вам лучше? – его голос был немного взволнованным, а взгляд полный заботы и сострадания.

– Ах, сеньор «Репейник», оказывается, вы можете быть

любезным, милым и человечным, – несмотря на слабость и бледность, Белль оставалась верной себе.

Диего звучно засмеялся.

– Вы не исправимы, даже при смерти будете «жалить» людей, говоря им колкости. Поднимайтесь, сеньорита, а то мы тут промёрзнем, все-таки не лето на дворе. И не забудьте пригласить меня на бутылку хорошего вина или чего покрепче, чтоб согреться, ну и в знак благодарности за ваше спасение, естественно.

– А что это за зелье? – поинтересовалась она, поднимаясь на ноги.

– Мориски изготавливают этот эликсир.

– Кто? – удивилась Белль.

– Не имеет значение, если вам оно помогло.

Они не спеша дошли до дома Д'Амбре на улице Бовилль. Красиво украшенное жилище к Рождеству выглядело как какая-то театральная декорация, в нем не было «жизни». В отличие от «Жирного гуся», где все кипело и било ключом, в городском доме было тихо, пустынно, и это навевало грусть.

– После смерти мамы отец не любит здесь бывать, – словно извиняясь, вздохнув, произнесла Белль, – он и сегодня будет в «Гусе», там будет городское веселье, но у меня нет желания идти туда. Мне надо переварить то, что вы мне сказали. Я имею в виду перспективы моей будущей жизни, как это видит, с позволения сказать, моя родня, – в ее голосе не было злости или раздражение, была скорее озабоченность и

растерянность.

Диего ужасно захотелось ее обнять и утешить, но он лишь тихо произнес:

– Сегодня праздник, не хорошо оставаться одной и грустить. Я могу остаться с вами, отужинаем вместе, и за бутылочкой Лангедокского я вам расскажу про графа де Рибера.

– А утром скрестим шпаги, и я вам покажу мой знаменитый отскок, – уверенным и веселым голосом сказала Изабелла и протянула Диего кубок с вином.

– Звучит неплохо, – Диего достал из привязанного к поясу кошелька флакон из синего стекла, – это придаст вам немного сил, – и он добавив несколько капель в вино Изабеллы.

В залу вошла Николетта и доложила про готовый ужин. Ее взгляд упал на блюдо с яблоками, и она сделала многозначительный знак госпоже, мотнув головой в сторону гостя. Изабелла вспомнила про рождественское гадание, рассказанное служанкой накануне, подошла к столику, выбрала самое аппетитное яблоко и протянула его Диего.

Мужчина съел его до огрызка, что символизировало взаимные чувства. Потом, повертев остаток яблока в руке, засунул его в рот и прожевав, проглотил. «Брак? А он разве вдовец!» – удивилась увиденному Белль.

xxx

...Изабелла открыла глаза, с трудом представляя где она.

В голове противно и непрерывно гудело, словно ветер в печной трубе. Она подумала, что если она сейчас встанет, то ее ноги сразу подкосятся, и она рухнет на пол. Она перекадилась на другой бок, и... у нее все поплыло. И не от того, что ее мутило, а от картины, представшей перед ее глазами. Рядом с ней лежало красивое мускулистое тело оливкового цвета. Белль приподняла одеяло в надежде, что ее внутренняя чуйка не сработала сейчас, но «чуда» не произошло. Диего Альварес был абсолютно нагим, ровно, как и она сама. Она легла на спину и уставилась в потолок с большим количеством лепнины и сложной витиеватой розеткой вокруг люстры.

«Так, я дома в своей спальне. Что вчера произошло? – пульсировала мысль в ее тяжелой голове.

Боковым зрением она скорее почувствовала, чем увидела движения просыпающегося мужчины и прикрыла свои веки, не желая видеть выражение его лица и выслушивать какие-либо объяснения.

В отличие от Изабеллы дон Диего не был удивлен ни пробуждением в постели девицы, ни наличием этой самой девицы рядом с собой. Он приподнялся на локте и пальцем, еле касаясь лица девушки, стал «рисовать» ее профиль. Его палец скользил вниз по лбу, через нос к губам, очерчивая их по кругу. При этом он приговаривал:

– Исса..., Исса..., Belleza..., просыпайся.

– Как вы назвали меня? – Изабелла продолжала лежать с

закрытыми глазами.

– Да, сеньорита, по-видимому, вы ничего не помните, – он пальцем попытался приоткрыть глаз девушки, при этом виновато обольстительно улыбаясь.

Белль открыла газа в которых застыл вопрос.

– Вчера ты сказала, что решила начать новую жизнь, и твое имя будет от ныне «Исса», а не Белль, Иза или Изабелла.

– Серьёзно?! – брови девушки поползли кверху, – а что произошло между нами? Почему мы в одной постели?

– Ты предпочитаешь, чтобы я рассказал или показал? – хрипло спросил он, и в его глазах загорелся огонек, делая его взгляд похотливо-сверлящим. Изабелла почувствовала, как горящие стрелы, выпущенные этим взглядом, просто пронизывают все ее нутро.

Диего накрыл ее тело своим, и девушка изумилась, как все женское существо устремилось ему навстречу, словно только этого и ожидало...

... Она лежала на груди Диего, рисуя пальцем круги на его коже. Ей не хотелось думать не о том, что между ними произошло, не о том, что с ними будет, она просто наслаждалась моментом.

– Хм, интересно получается, – вдруг подал голос Диего, – мы оказывается можем не подтрунивать и не дразнить друг друга.

– Вы имеете в виду когда мы в кровати? – хихикнула Иза.

– Я ужасно проголодался, но боюсь, как только мы встанем, ты выпустишь свое «жало», и нам придется быстро вернуться назад, чтобы мы не «сожрали» друг друга, – шутил испанец.

– Вы думаете, наше... «согласие» распространяется только на спальню? – она явно провоцировала Диего.

– Судя по тому, что, где и как мы делали, то нет, – он еле сдерживал смех.

Сеньор Альварес был поражен фантазией и бурным темпераментом невинной девицы. Близость с ней была не только интересной и эмоциональной, но и заряжена адреналином. Он никак не мог взять в голову, как у такой неискушенной девушки может быть такая мощная сексуальность, которая сбила с ног даже его, казалось бы закаленного любовника.

«Исса» встала, накинула халат и пошла искать Николетту, распорядиться о завтраке. Служанка поела на кухне сыр с вареньем. Увидев госпожу, она радостно заверещала:

– Ой, мадмуазель Белль, хорошо, что в доме вчера никого не было, вы же придавались любви прямо в гостиной. А дон Диего и не так уж и страшен, он когда улыбается и веселый, даже душка. Боже, что вы вытворяли! – и Николь закатила глаза.

– Прекрати, – оборвала ее Изабелла, – избавь меня от подробностей. Лучше думай, что мы будем делать, моя бабка пожелала меня упечь в монастырь.

Кусок сыра завис в руке Николетты между тарелкой и ее

ртом.

– Не-е-т, – только могла она протянуть, выпучив глаза.

– Да-а-т, – передразнила Иза служанку. – Давай завтрак накрывай, да поживее!

8

...На склонах долины Шеврез, недалеко от Парижа, среди лесов и полей притаился монастырь Пор-Рояль, где был принят строгий цистерцианский устав святого Бернарда. Монахини проводили время в молитве и обучении детей. Но эта была внешняя оболочка. На деле в стенах монастыря нравы были, мягко говоря, далеки от жесткого устава цистерцианцев – молодые обительницы монастыря могли даже участвовать в городских карнавалах, исповедник был необразован, редко читал проповеди, монахини причащались лишь по большим праздникам.

Сначала маленькая Изабелла ужасно боялась мрачных стен монастыря, мать-настоятельница и старых угрюмых монахинь, помнящих еще затворнический образ жизни, аскетические практики и созерцательную монашескую жизнь.

Но вскоре Белль поняла, что Пор-Рояль прекрасное место: природа, свежий воздух, а главное строгих монашеских обетов от дам, поступавших в Пор-Рояль, и от мужчин, поселившихся в соседних домах, вообще никто не требовал. Старшие воспитанницы, да и многие монахини не отказыва-

ли себе в маленьких жизненных удовольствиях.

Характер Изабеллы был не из легких, если не сказать больше, отвратительный. Она любила поспорить, причем делала это просто ради спора, даже когда понимала, что неправ, никогда не уступала, вечно шла на всевозможные хитрости, чтобы избежать унижительного поражения. Она ревностно относилась к девочкам, которые были лучше, умнее ее; она не терпела конкурентов ни в чем. Поэтому ее отношения с ученицами в первые годы ее пребывания в монастыре были натянутыми и даже враждебными. Она была злопамятная и мстительная: вдруг кто-то из сестер, послушниц или учениц обнаружат в постелях лягушат и ужей, то в кропильнице вместо святой воды будут чернила.

Но постепенно из бунтаря-аутсайдера Изабелла стала властным лидером. То подговорит послушниц утащить из запасника варенье, то во время службы с ее легкой руки девочки запоют что-нибудь этакое, то в чане со святой водой окажется сливовая водка. Ее однажды даже чуть не выгнали из монастыря из-за «непревзойденного легкомыслия», но не было прямых доказательств против нее, она ловко использовала людей в своих интересах, аккуратно манипулируя ими, умело сваливала вину на других и мило хлопала длинными ресницами, когда тех отчитывали. Но никто из них не рассказывал о зачинщице, боясь ее гнева, а Изабелла, прикидываясь слабой и уязвимой, смотрела глазами невинной овечки.

Одним словом, жизнь Белль в монастыре была вполне сносной, тем более, что девочка любила учиться и могла часами проводить время в библиотеке. Но после одного случая ее жизнь стала просто замечательной.

В монастыре она сдружилась с девочкой на пару лет старше себя, звали ее Генриетта. В святой обители не принято было расспрашивать о семье, о положении, о состоянии. Все были равны, ведь только полная нищета может характеризовать совершенного монаха или монахиню. Именно поэтому в церкви при монастыре почти полностью отсутствовала драгоценная утварь, живопись, роскошный интерьер. Расспрашивать было не принято, но все прекрасно знали, что абсолютно все ученицы – барышни исключительно из высшего общества.

Однажды Изабелла, порезав палец, чертыхнулась по-испански. Генриетта услышала и поинтересовалась, откуда Белль знает язык. Девочка призналась, что ее мать дочь испанского графа, а Генриетта оказалась дочерью французского посла в Испании маркиза де Фаржи. По всей видимости, дочь посла рассказала своей родительнице про Изабеллу, потому как г-жа Мадлен де Силли, навещая свою деточку, всегда желала видеть и Изабеллу.

Мадам де Силли была придворной королевы Анны Австрийской, хранительницей гардероба и драгоценностей правящей особы. Два года, проведенные в Испании вместе с мужем, сделали свое дело: она ненавидела Людовика XIII и

его политик, направленную против Габсбургов. Рьяная сторонница Испании, Анны Австрийской и испанского короля, мать Генриетты пыталась формировать у Изабеллы любовь к ее «настоящей» родине. Она называла Белль не иначе как «виконтесса де Рибера», под этим же именем девочка была представлена всем в доме де Фаржи и даже ее величеству королеве Анне.

С позволения г-на Д'Амбре семья посла часто забирала Изабеллу на праздники и на каникулы. А владелец «Жирного гуся» был только доволен этим, ведь сбывалась мечта всей его жизни – Изабелла вхожа в круги, близкие ко двору.

И если в монастыре девочка получала знания по «семи благородным искусствам» (Тривиум – грамматика, диалектика, риторика и квадривиум – геометрия, арифметика, астрономия, музыка), а также по богословию, философии и изучала языки, то в парижском доме маркиза и в Рамбуйе, куда они периодически наведывались с визитами к кузену Карлу маркизу де Ментенон, Изабелла осваивала «уроки жизни». Она понимала, что в сравнении с этими людьми, она словно «дурачина из деревни». Девочка старалась быть невидимой и придерживалась выбранной ей линии поведения: «поменьше болтать – побольше слушать». Вскоре юная Изабелла открыла для себя еще один предмет для изучения – овладение искусством интриги.

Она усмехалась про себя, оказывается ее внутренне состояние любыми путями всегда получать желаемое, имеет кра-

сивое название: «плести интриги». И у нее проснулось желание не просто использовать слабости и зависимости людей для реализации ее нужд, а научиться синтезу сложных и многошаговых тактических построений, чтобы никто и никогда не смог заподозрить ее в содеянном. Ей было интересно наблюдать за окружающими, за их способами заинтересовывать людей с помощью недомолвок, умолчаний и двусмысленных намёков.

Со временем Изабелла расцвела, она была очаровательна, прекрасно пела, играла на разных инструментах, ее стройный, гибкий стан, грациозные, словно кошачьи, движения в танцах и умение поддержать разговоры практически на любую тему, делали ее в глазах многих молодых и не очень мужчин, лакомым кусочком. Но Белль была равнодушна ко всем этим баронам, маркизам и герцогам.

xxx

Весной 1635 года настоятельница мать Анжелика принимала «важного» гостя. Это была немолодая женщина с чудесными волосами цвета спелой ржи, живыми умными глазами и очаровательной улыбкой. Она не была красива, но в ней было какое-то изящество, умение показать себя с выгодной стороны. Несмотря на ее возраст, ее талия была тонкая, как у нимфы. После долгого разговора с аббатисой гостья пожелала увидеть виконтессу де Рибера.

Белль шла в гостевой домик при монастыре и не знала, как себя вести с этой мадам «Ваша Важность». Какой ее ожидают увидеть: скромной, застенчивой, кроткой или самоуверенной, взбалмошной и амбициозной. По пути ей встретился монастырский исповедник, и Белль спросила у него о приезжей даме.

– Ветреная, легкомысленная, склонная к авантюрам и дерзко уверенная в себе. Наша мягкая податливая королева попала под абсолютное влияние этой особы. Представьте себе, дитя мое, эта безнравственная женщина, не дождавшись окончания срока траура после смерти мужа, выскочила замуж за другого, более чем на двадцать лет старше ее. Как результат, ее муж «рогат». Я уж не говорю о том, сколько зла она делает нашему королю, который якобы не возжелал ее. Она мстит ему, плетя различные заговоры, а за одно и против его высокопреосвященства.

– А кардиналу-то за что? Тоже не возжелал?

– За то, что он всесильный и мешает ее могуществу.

– Ну как она еще не в Бастилии за это? – удивлению Изабеллы не было предела.

– Она продала душу дьяволу, другого объяснения нет, – уверенно констатировал исповедник, – ей все время удается выйти сухой из воды, – он замолчал, а потом добавил, – страшная женщина, скорее всего она платит «рогатому» душами своих любовников.

Отец Жерар перекрестился, Изабелла последовала его

примеру, и они разошлись в разные стороны.

Девушка постучала в дверь монастырской гостиницы, ей открыла молоденькая белокурая некрасивая служанка.

– Ее светлость ждет вас, – громко произнесла она и шёпотом добавила, – она злится, что вас долго не было.

Изабелла глазами поблагодарила горничную и вошла в комнату, которая одновременно была и гостиной и спальней.

Женщина надула и без того пухлые губы и с неким высокомерием рассматривала Изабеллу. Девушка, высоко и гордо держа голову, изучала лицо и фигуру гостя, словно пыталась понять, в чем сила этой женщины, если отец Жерар прав.

– Вы опоздали, – голос был холодный, но мелодичный и завораживающий.

– Мне не было назначено время, мать настоятельница лишь сказала, что вы желаете со мной поговорить, – Изабелла старалась быть спокойной, но где-то глубоко внутри стала зарождаться неприязнь к этой женщине.

– Пустяки. Итак, вы родственница герцога де Алькала, – женщина хотела выглядеть дружелюбной, – и в каких вы с ним отношениях?

– Да, я внучатая племянница Фернандо Афан де Рибера, герцог де Алькала, – гордо произнесла Белль и с сарказмом добавила, – в отношениях, основанных на происхождении от общего предка, мадам.

– Вы знаете кто я? – с вызовом спросила гостя.

– Полагаю, если вы не родственница одной из учениц, то грешница, жаждущая помолиться в уединении в святой обители, – Изабелла ликовала, дама не была ей представлена, и это давало преимущество разговаривать в подобном тоне.

– Маркиз де Фаржи высокого мнения о вас и ваших способностях. Он в восторге от вашего острого ума и умения добиваться своего. А я бы назвала вас слишком дерзкой. Хотя, что удивляться, ваш отец родом из Гаскони, а там людям свойственна нахальность, бесцеремонность и самоуверенность.

Изабелла не проронила ни слова, и гостья продолжала:

– А если бы я была королевой?

– Но вы не ее величество, – и Бель слегка склонила голову, потом резко выпрямила спину и произнесла, – а так же гасконцам свойственно бесстрашие, мужество и непреклонность, мадам. Они всегда используют хитрость, дипломатию, а чаще шпагу.

И Изабелле вдруг пришла безумная идея научиться фехтовать.

– Мое имя Мария де Шеврез, я подруга ее величества и здесь я для того, чтобы сделать вам одно предложение от ее имени.

– Все что угодно королеве! – Изабелла сделала восторженный голос, а про себя добавила, – «если это не противоречит моим убеждениям».

– Вот и славно! Приходите сегодня ближе к вечеру, мы все

обсудим. И не беспокойтесь о монастырском уставе с отходом ко сну, я обо всем договарюсь с настоятельницей.

Мария подошла и поцеловала Белль в щеку, и улыбнувшись сказала:

– Надеюсь, мы будем друзьями.

– Надеюсь, мы будем полезны друг другу.

– Гасконцы, – заключила де Шеврез и рассмеялась.

Вечером того же дня Изабелла вернулась в гостевой дом, как они и договорились с приезжей. Дверь была приоткрыта, и девушка тихо вошла и услышала голоса, принадлежащие Марии и какому-то мужчине:

– До этого еще целая вечность, – страстно прошептал мужчина. – Прошу задаток.

– Не слишком ли это неосторожно? – со смехом спросила Мария.

– Любить тебя и осторожничать, однако...

Он не договорив, заключил женщину в объятия.

Изабелла выглянула из-за парчовой занавески. Зрелище, представшее глазам девушки, перевернуло все ее представления о физической близости. Монахини с их монастырскими забавами подобную усладу называли сладострастием, а старые приверженки цистерцианства – постыднейшим из проявлений природы человеческой, порождением сатаны. Но Изабелле увиденное очень понравилось. Она вышла на воздух, чтобы успокоить голову и бешено бьющееся сердце. Недалеко от домика она увидела привязанную лошадь,

а через полчаса и хозяина. Красивый, даже по-женски смазливый мужчина лет тридцати в голубом плаще королевских мушкетеров, проворно оседлав коня, скрылся по дороге по направлению в Париж.

Изабелла вернулась и, постучав, зашла в дом. Ее взгляд скользнул по перевернутой вверх дном постели, казалось, что она еще хранила следы тел и запах любви, но ни один мускул на лице девушки не показал, что она стала свидетельницей плотских забав де Шеврез...

9

Диего Альварес вышел к завтраку, словно он у себя дома. На нем была развязанная на груди блуза с кружевным воротником и сравнительно узкие панталоны до колена, оголяющие его волосатые ноги.

– А если бы вернулся отец? – в голосе Изабеллы был сарказм.

– То сразу бы решилась твоя проблема с постригом, – язвительным тоном ответил ей Диего, – кстати, что ты решила? – испанец моментально стал серьезен.

– Не хочу пока об этом думать, еще время есть. Только не представляю, зачем испанские родственники настаивают на этом.

– Монахине легче пересекать границу во время войны, – предположил Диего.

Изабелла пристально смотрела на возлюбленного:

– Ты хочешь сказать, что я должна буду быть посыльной?

xxx

...После визита де Шеврез и постоянной опеки мадам де Силли, жизнь Изабеллы в монастыре была практически идеальной. Весь следующий год она не посещала все подряд службы, ей не надо было ходить на всенощные, не надо было трудиться на послушаниях. Ее задача была читать философские трактаты, заниматься вокалом, языками, специально для нее приходил учитель танцев. Ей было даже позволено верховая езда, которую она обожала.

Оставалось одно, что она не могла себе позволить: фехтование.

Мадам де Шеврез приезжала еще несколько раз «от королевы» в сопровождении красавчика – мушкетера. Изабелла как-то завела разговор про чувства, на что герцогиня, смеясь ответила:

– Две вещи правят людьми: первая – плотская любовь. Что же касается второй... о второй мне надо еще много думать..., – и немного помолчав, добавила, – настоящая любовь длится до утра, дитя мое, но с помощью нее женщины могут получить все, чего желают.

Из визитов подруги ее величества Изабелла поняла, что рано или поздно она станет специальным агентом короле-

вы. Сначала, это идея будоражила кровь, это было так близко ей – тайны, подслушивание, выведывание. Но потом, это идея стала ее напрягать. Быть шпионом королевы, вернее этой «козы», ради чего? Правильнее спросить: против кого? Ответ очевиден: против короля, против кардинала и, скорее всего, против Франции.

Эта мысль словно поселилась у нее в голове, и Белль не могла думать больше ни о чем. Она оказалась между двух огней: свяжется с де Шеврез – будет врагом всемогущего Ришелье, откажет «козе» (игра слов: Шеврез от фр. Chèvre – «коза») – будет ее личным врагом. А то, что у герцогини хватит сил и власти избавиться от неуютной «простушки», Изабелла не сомневалась.

Белль, задрав до колен подол юбки, быстро неслась к водоему, словно пытаясь убежать от назойливых мыслей о шпионаже. Она была в предвкушении того, как холодная ключевая вода мгновенно остудит горячее, немного взмокшее после бега тела. Она любила этот контраст, считая, что он закаляет ее, так же как закаляют сталь хорошей шпаги, погружая ее то в огонь, то в ледяную воду. Белль нравилось это приятное покалывание после купания, словно сотни иголок вонзаются в тело.

«Как же научиться фехтовать?» – снова всплыла идея, которая время от времени давала о себе знать. Г-н Д'Амбре и слышать не хотел о «не девичьем» занятии, советуя дочери больше времени уделять пению и вышиванию. Изабелла

фыркнула и вдруг за кустами она увидела фигуру, выполняющую характерные движения фехтования. Девушка остановилась, перевела дыхание и пробралась сквозь кустарник поближе к шпажисту.

Мужчина был одет в одежды крестьянина, но тонзура выдавала в нем монаха. Было смешно наблюдать, как святой отец сражается с невидимым противником, но движения его были отточены и грациозны.

Изабелла заворуженно наблюдала за происходящим. Ее губы тронула хитрая усмешка, а в темных глазах блеснул демонический огонек.

Монах два раза полоснул по воздуху, как бы показывая окончание мнимого боя, бережно положил шпагу на землю, скинул одежды и, оставшись в чем был в момент своего рождения, пошел к воде. Изабелла, видевшая уже нагое мужское тело на кровати де Шеврез, не смутилась, румянец не покрыл ее девичьи щеки, и взор не упал в землю. Девушка с любопытством рассматривала необычно мускулистое для монаха тело. Мужчина подошел к воде, сделал пару шагов и нырнул.

– Итак, святой отец, – шепотом произнесла Изабелла, – вы как нельзя кстати оказались здесь, – и она вышла на берег из своего укрытия.

Подойдя к одежде, она увидела связанную в узел рясу «белого монаха». Девушка подняла его, и только ее рука потянулась к шпаге, как вдруг из воды донеслось:

– Эй! Не смей трогать мои вещи и не бери шпагу, это ору-

жие, между прочим, и ты можешь пораниться.

Девушка, улыбаясь соблазнительно-дьявольской улыбкой, подошла ближе к воде и завела руку за спину, показывая, что собирается бросить одежду в воду.

– Сумасшедшая, что ты делаешь? – в голосе монаха слышалась злость и безысходность одновременно.

– Если хотите получить ваши вещи назад, а не идти до деревни прикрывшись шпагой, святой отец, у меня к вам есть предложение.

Молодой монах понимая, что выбор у него не велик, скрестил руки на груди, сделав при этом плечевую мышцу «горбатой», и, с любопытством рассматривая девушку, крикнул:

– Ваши условия?

– Вы учите меня фехтованию. Я отдаю вам вашу одежду сейчас, а в последствии, буду нема, как рыба, и никто не узнает, чем вы тут занимаетесь, святой отец.

– А ничем постыдным я тут не занимаюсь, – усмехнулся монах.

– Ну-у, – протянула девушка, – как на это посмотреть после эдикта о запрете дуэлей, и вообще, оружие в руках священника – это слово божье, а не шпага, – вызывающая поза девушки и уверенность, с которой она произносила эту речь, давали понять монаху, что она действительно донесет до каждого о его насовсем духовном интересе.

– А вам зачем фехтование? Судя по вашему одеянию вы, я полагаю, планируете стать невестой господи нашего, – моло-

дой человек продолжал с интересом рассматривать Изабеллу.

Она показалась ему чистой и непорочной, и ему даже в голову не пришли мысли об искушении его дьяволом. И не дождавшись ее ответа, он быстро выпалил:

– Я согласен. Положите одежду на землю и отвернитесь, чтобы я смог одеться.

Девушка залилась звонким смехом.

– Я молода, но не наивна. Вылезайте, святой отец! В конце концов, я не думаю, что у вас вместо ног – хвост или отсутствуют характерные признаки мужчины вообще. Вы человек и у вас нет ничего такого, что меня удивит или озадачит.

Монах немного сомневался, и Изабелла прикрикнула:

– Вылезайте немедленно! – она топнула ножкой и добавила, – я так хочу!

Девушка положила одежду монаха на землю и, взяв в руку шпагу, отошла на несколько шагов назад.

– И без шуток, святой отец, иначе вы надолго запомните эту встречу, клянусь вам! – голос ее был жесткий и уверенный в своей правоте.

Монах вышел из воды и стал натягивать на себя рясу. Изабелле вдруг ужасно захотелось дотронуться до его мускулистых рук, плоского и одновременно рельефного торса. Ее взгляд спустился ниже и в голове промелькнула мысль: «А интересно, „ОН“ твердый или мягкий?» И она хмыкнула, еле сдерживая смех.

– Ваше имя, несносное дитя? – безысходно вздохнув, заинтересовался монах.

– Изабелла. И я учусь в монастыре и только. И вовсе не планирую стать послушницей или монахиней. А как мне называть вас, святой отец?

– Отец Бенедикт, к вашим услугам, – и «сняв» воображаемую шляпу, он театрально поклонился, – когда желаете начать, мадмуазель Изабелла?

xxx

Каждый день в течение следующего месяца Изабелла прибегала к реке. Она была прилежная ученица, ее огромное желание научиться фехтовать, по всей видимости проснувшиеся гасконские корни, сдобренные упрямством и настойчивостью, делали свое дело.

А отец Бенедикт был опьянен чарами своей ученицы. Он смотрел на нее с восхищением, и Изабелла все чаще замечала характерный блеск в его глазах. Он пожирал ее взглядом, словно хотел запечатлеть в памяти мельчайшие детали милого сердцу образа. Он словно невзначай прикасался к девушке: то положит ей руку на талию, показывая правильную стойку, то слегка обнимет, рассказывая о блоках.

– Помните, что у шпаги есть не только лезвие. У нее есть еще и гарда. Ею тоже можно драться, – и он показывал куда может попасть удар, дотрагиваясь до груди Изабеллы, ее

живота, плеч, лица.

Белль сводила его с ума. Каждый раз возвращаясь в свое жилище, он бросался на колени перед распятым в покаянии. Он страстно желал эту девушку, хотел общения с ней на другом уровне, более интимном и ничего не мог поделать с этим. Он наказывал свою плоть, избивая себя плёткой, пытаясь через боль забыть о своём желании. Он клялся не ходить больше к реке и не видеть эту искустельницу, но вставало солнце, начинался новый день, и он снова шел к реке, а с закатом рука сама тянулась к розгам, и снова река, и снова розги.

Как-то фехтуя, отец Бенедикт сделал обманное движение, заставив Изабеллу растянуть выпад, отскочил с разворотом, и тупой клинок оказался у горла девушки.

– Как вы это сделали? Покажите еще раз, – в голосе Изабеллы был восторг.

Она повторяла и повторяла манёвр. Когда у нее все получилось, она была в восхищении и, страстно обняв отца Бенедикта, воскликнула:

– Это же чудо какое!

Монах побледнел и непроизвольно вскрикнул от боли.

Изабелла испуганно смотрела на учителя:

– Что с вами? Я вас поранила?

– Да, – хриплым голосом произнес монах, – вы ранили меня в самое сердце.

Девушка широко открыла глаза от удивления, мужчина

тяжело дышал ей прямо в лицо:

– Я пытаюсь излечить это, но бесполезно, – его губы тронула кривая то ли улыбка, то ли усмешка. Он задрал рясу и показал Изабелле свою спину, располосованную розгами.

Она мягко приобняла его за плечи и прижав к своей груди, тихо прошептала ему на ухо:

– Кто это сделал? Я отомщу за вас. Назовите мне имя.

Монах усмехнулся:

– Изабелла Д'Амбре, – он отстранил девушку и пристально взглянул в ее орехово-обворожительные глаза, в которых вспыхнула искра недопонимания и недоверия, – вы моя болезнь, с того самого момента, как увидел вас здесь на берегу, гордую, уверенную в себе и... просто очаровательную.

– Но, наверное, есть другие лекарства от такой болезни? – спросила она неуверенно, растягивая слова.

Они пристально смотрели друг на друга. Каждый из них понимал, что они стоят у черты бездны, за которой или полет в высоту, или безжалостное смертельное падение. Изабелла перевела взгляд на пухлые губы отца Бенедикта, задержалась на них немного и снова посмотрела ему в глаза. И вдруг мужчина, не совладав со своими необузданными желаниями, прошептал:

– Исса..., – и волна страсти накрыла его, он, не закончив ее имя, коснулся губами ее рта, языком разжимая узкие девичьи губки.

И оба потеряли счет времени.

Изабелла не помнила, как она очутилась на траве, страстные поцелуи молодого человека дурманили ее разум, его касания и поглаживания словно приоткрывали дверь, нет, ворота в какую-то новую неизвестную страну чувств. Девушка внутренне осознавала, что ей недостаточно только взглянуть через щелочку этих «ворот». Ей хочется распахнуть их и воскликнуть: «Эй, посмотрите, я пришла сюда и мне здесь нравится!» Какой чушью казались все эти вопли «старых святош» из монастыря о грехе под названием «страсть». Это было самое великолепное, что она когда-либо испытывала. Она была удивлена, как ее тело может знать, что надо делать, словно где-то в глубине души у нее была шкатулочка со знаниями, передаваемая из поколения в поколение, и теперь, она достает эти умения одно за другим. Она скорее почувствовала, чем поняла, что вот именно сейчас свершится то самое, свидетелем которого она стала в гостевом домике, когда неизвестный мушкетер овладел герцогиней.

Но отец Бернард остановился и вскочил на ноги. Она смотрела на него вопрошающим взглядом. А монах выглядел словно лунатик, очнувшийся над пропастью и которого охватил ужас перед ней. Он понимал, что еще один шаг, и «падение» будет неизбежным.

– Это все неправильно... это грех... мы не можем... это искушение от дьявола, – причитая, он поднял с травы свою рясу и медленно с опущенной головой поплелся в сторону монастыря.

Белль не злилась на отца Бернарда, она просто подумала, если уж святой отец так боится грехопадения, то следующий раз надо просто совершить этот грех, и страх перед ним пройдет. Но следующего раза не представилось.

Не пришел монах к реке ни на следующий день, ни двумя днями позже. Изабелла никак не могла понять, как может быть грехом то, что приносит такое удовольствие. В конце концов, еще Апостол Павел писал, что в браке нет ничего плохого, правда, он добавлял «но соблюдающий безбрачие поступает лучше». Но во Франции существовало множество священнослужителей всех степеней, живущих с женщинами и считающих свой брак каноническим делом. В молодом мозгу девушки не укладывалось, если это не табу, почему отец Бенедикт решил, что это грех и блудодеяние.

На утро четвертого дня, оседлав лошадь, Изабелла помчалась в деревню, где временно при церкви жил отец Бенедикт, переезжающий с одного монастыря цистерцианского ордена в другой. Еще на подъезде к поселению девушка услышала зауспокойный колокольный звон, внутри нее что-то неприятно сжалось. Она въехала на церковную площадь, и ее взору предстало шествие, словно это был крестный ход. Служители церкви несли Священное Писание, крест и хоругви. Но в отличие от праздничной церковной процессии, за всеми этими знаменами и иконами несли гроб.

Изабелла привязала лошадь и присоединилась к процессии, направляющейся к кладбищу. Она всматривалась в ли-

да церковнослужителей в надежде отыскать отца Бенедикта.

– Ходят слухи, монах наложил на себя руки, – еле слышно прошептал ей на ухо какой-то крестьянин, оказавшийся рядом с ней.

– Хоронят монаха? – изумленно спросила она бородатого мужчину.

– Поговаривают, он повесился, – и он сделал многозначительную физиономию, – но официально никто, конечно, это не подтвердил, зачем приходу проблемы из-за странствующего монаха.

Изабелла остановилась, дав процессии уйти вперед, перекрестилась и пошла в сторону церкви. Там она увидела старого служку и уверенно направилась к нему.

– У меня послание от матушки-настоятельницы аббатства Пор-Рояль к отцу Бенедикту, – командным голосом выпалила она.

– Вы опоздали, сударыня, – перекрестившись вымолвил старик, – отец Бенедикт почил в бозе и только что отправился в свой последний земной путь.

– Эта процессия, что я видела во дворе..., – она показала в направлении выхода из церкви, – это..., – она не договорила и, задумавшись, покинула святую обитель.

Она разочаровалась в «учителе фехтования», он оказался не способным, совершить безумство, такое, о котором, возможно, вспоминал бы потом всю жизнь. Он оказался не способным ради своих чувств прыгнуть выше клерикаль-

ных преудбеждений. Он оказался просто слабаком, решившим свои проблемы смертью. И ей даже не пришла в голову мысль, что отец Бенедикт был просто высокодуховным человеком. Он испытывал искушение, и оно почти довело его до греха. Любовь к ней это было испытание его веры. Это не Бог его искушал, отец Бенедикт искушался сам, увлекаясь и обольщаясь ей, Изабеллой, и собственной похотью; похоть же, зачав, породила грех, в свершении которого сам монах не сомневался, а сделанный грех породил смерть.

«Ну во всяком случае, не зря отец Бенедикт оказался на моем пути, благодаря ему я имею представление о фехтовании, теперь эти умения надо только оттачивать», – ни раскаяния, ни сожаления не было в душе Изабеллы...

10

– Ты хочешь сказать, что я буду посыльной? – Изабелла с какой-то брезгливостью смотрела на Диего Альвареса.

– Я только предполагаю, – оправдывался испанец, – сколько уже писем было перехвачено шпионами кардинала. А монахиня, идущая к святым местам, скорее всего, не вызовет подозрения.

Диего подошел к Изабелле и нежно обняв ее, хрипловато прошептал на ухо:

– Чем чаще ты сможешь бывать в Испании, – он языком провел по ее ушной раковине, – тем больше у нас будет воз-

возможностей получать наслаждения и эмоции, – он слегка прикусил ее ухо, – окунуться в водоворот чувств и страстей, – его губы еле дотрагивались до губ Изабеллы, – наполнить нашу жизнь яркими красками, – он кончиком языка исследовал губы и язык девушки.

...И их подхватил ураган страсти. Этот вихрь, вызывающий сладостную муку, поднимал их на вершину блаженства и достигнув пика, вырвал из ее уст крик, а из его – глухой хрип.

Они обессиленные лежали на ковре гостиной, и ни один из них не мог произнести ни слова. Их укрывала тишина, время от времени нарушаемая лишь потрескиванием поленьев в камине.

– Для того, чтобы все это иметь, мне необязательно становиться монахиней, – усмехнувшись, пробормотала Изабелла, – достаточно выйти за тебя замуж.

– Все не так просто, любовь моя, – в его голосе слышалась удрученность и где-то даже безысходность.

Диего поднялся на ноги и стал натягивать узкие штаны, запутываясь в них и чертыхаясь. Он старался не смотреть на Изабеллу, чтобы она не смогла заметить подступившие к его глазам слезы.

– Что ты имеешь в виду? – девушка поднялась на локте и пристально сверлила взглядом спину Диего, – ты женат?

Диего подошел к Изабелле и, нагнувшись к ней, обнажил предплечье и локоть.

– Что ты видишь? – издевательски спросил он.

– Ничего. А что я должна увидеть? – недоумение повисло в ее глазах.

– Вот именно, ничего, – он будто насмехался, но глубокая печаль была погружена в его глаза, Изабелле даже показалось, что они стали темнее обычного, почти черные, словно горящие раскалённые угли.

– У высокородных дворян отчетливо видны синие вены на фоне бледной, не отмеченной крестьянским загаром и тяжелым трудом кожи, – он зло ухмыльнулся, – а у меня ты видишь этот рисунок из кровеносных сосудов, напоминающий расходящиеся корни растения или ветви дерева? Генетического дерева, понимаешь? – Диего пытливо смотрел в немигающие глаза возлюбленной.

Изабелла стала рассматривать свои руки и через минуту выпалила:

– Что за бред? У тебя кожа оливкового цвета, на ней не могут быть видны сосуды. Диего, что за блажь? И потом, ты говорил, твой отец...

– Я бастард, – перебил он ее, – да, я принадлежу семье гранда, мажордома короля Испании Филиппа IV, но моя мать была мавританкой. Я всегда в этой семье буду «маленьким мавром».

Диего выглядел словно орел, высматривающий свою добычу: опущенная голова, высокий и сжатый с боков, загнутый вниз нос, появившаяся надбровная складка, как у гроз-

ного хищника, делала взгляд «нахмуренным», немигающие темно-коричневые глаза исподлобья смотрели на Изабеллу.

– Ну так создай свой род сам! – поднявшись на ноги выкрикнула Изабелла и стала поправлять свое платье, – в конце концов, почему ты должен жить, окруженной вечной тайной?! В истории много примеров когда бастардам удавалось подняться гораздо выше их законных братьев и сестер, – в голосе Изабеллы была такая уверенность и решительность, что понемногу ее состояние стала передаваться Диего.

Он от души рассмеялся:

– Сразу видно, мадмуазель Д'Амбре, вы никогда не были в Испании. Чтобы что-то получить и достичь, дорогая моя Исса, надо попасть к нашему роскошному двору, вступить в ряды духовенства или армии.

– Ну так женись на мне, и мы отправим моего отца на покой и займемся «Гусем», и создадим свой знатный род. В конце концов, мои родители дворяне.

– Ты серьезно? – кривая ухмылка скривила его губы, – пусть моя мать мавританка, но я – испанец, – гордо заявил он.

– И?

– Если я и не получил титул по наследству, то я его зарабатываю. По моему возвращению я получаю должность секретаря при граф-герцог де Оливаресе. И..., – он сделал паузу, словно не хотел говорить.

– И?

– Я обещал жениться на какой-то из кузин жены Оливия-реса, я ее даже не видел.

У Изабеллы открылся рот, и она тупо уставилась на Диего.

– Ты... ты... как ты мог? – она метнулась к столу и схватила со столика нож для яблок. – Никогда, ты понял, никогда ты больше не будешь обладать мною.

Охваченная яростью и забыв про всякую осторожность, она бросилась на него, не выпустив клинка из рук. Он увернулся от удара, и какое-то время они боролись. Диего опрокинул ее подножкой, всей тяжестью тела припечатал к ковру и без особого труда обезоружил, несмотря на все ее попытки освободиться.

– Буду, моя дорогая, ты даже сама будешь меня просить об этом, – дразнил ее мужчина.

Словно расшвирипевшая кошка, она продолжала шипеть ему в лицо проклятия. Потом вопли ее стали все реже и реже, и она заплакала. Диего помог ей подняться и прижал к своей груди:

– Я поговорю с отцом, обещаю, – он гладил ее по волосам, а потом нежно расцеловал ее мокрое от слез лицо, – ну знаешь, если честно, это не я тебя соблазнил, а ты меня.

– Это все твой «живительный» эликсир, – всхлипывая, глотая слезы, разводила сопли Изабелла. – Из чего он сделан? Я была в каком-то необъяснимом состоянии, словно это была вовсе и не я.

– Опиум. Он уменьшает боль, и дает возможность вы-

плеснуться твоим скрытым желаниям. Но если десять дней непрерывно употреблять его, то у человека может возникнуть физическая зависимость, а за ней смерть.

11

Прошли новогодние праздники, и январь уже подкатывал к своему завершению, но Изабелла так и не получила послание от Диего. Она влюбилась в этого сеньора «Ваше испанское высокомерие», и эмоции впервые в жизни разрывали ее. Ее поражало то, что холодный расчёт, так характерный для нее во всех других ситуациях, сейчас ушел даже не на второй, а на третий план. Ей не нужно было ничего от Диего, лишь его любовь, много любви. Она желала снова прыгнуть в эту бездну желаний, снова испытать всю глубину эмоций и чувств.

Изабелла ревновала Диего к этой неизвестной невидимой «высокопоставленной кухне», ее раздражал тот факт, что она не может контролировать ситуацию, она даже не владела информацией, что происходит. Диего не было рядом с ней, и она не могла показать ему ни свою любовь, ни вызвать ревность у него. По ночам она не могла подолгу уснуть, мечтая о возлюбленном, представляя, как они гуляют ночью по берегу Гаронны, предаваясь любви, а желтая ночная царица, отражаясь в воде, словно прокладывает им путь в будущее.

Она писала письма в стихах для Диего, которые тут же

разрывались и летели в камин.

Но ее чувства были скрыты от окружающих, даже верная Николетта не могла заподозрить хозяйку, она лишь недоумевала, как можно так много времени заниматься фехтованием и верховой ездой.

В голове Изабеллы созрел план. Ее целью был Диего, и она была готова проявить настойчивость и упорство в получении желаемого. Альварес должен принадлежать только ей, всё его внимание, интересы должны вращаться только вокруг ее персоны.

«Ах! Если бы он был здесь, все было бы гораздо проще! Я сумела бы справиться со всеми этими кузинами», – все чаще и чаще восклицала про себя Белль.

Но Диего был далеко, а желание нравиться, привлекать внимание было здесь с ней, оно было необходимо ей как кислород. Ей нужны были комплименты, подарки, цветы и самое главное: эмоции. И так как тайные порывы ее страстной натуры оставались незамеченными для окружающих, Изабелла продолжала флиртовать с молодыми дворянами из Ажена и близлежащих окрестностей, давая им надежду на возможность взаимных чувств.

Наступил февраль. Зима 1637 года выдалась холодной и сырой. По ночам заморозки касались поверхности почвы, и утром Изабелле казалось, что она идет к конюшне по инеевой дорожке, как по настилу из рогозов. В тот день она, как обычно, оседлав лошадь, скрылась в тумане, сомкнувшемся

за её спиной. Она запомнила этот день, день 2 февраля, сороковой день после рождества Христова, праздник Господнего Сретения, день, который изменил всю ее жизнь.

Изабелла любила верховую езду. Когда лошадь прыгала через препятствие или пускалась галопом, девушке казалось, что она летит, ее тело выбрасывало гормон радости, помогая ей на какое-то время забыть о Диего. Довольная, чувствуя себя на высоте, она решила оставить лошадь на постоялом дворе и вместе с отцом в карете отправиться домой, сменить платье и присоседиться к верующим в соборе.

Она удивилась, не найдя г-на Д'Амбре в «Жирном гусе». Поинтересовавшись у грума Шарля об отце, она смутилась еще больше, услышав, что он уже уехал в город. Изабелла окинула взором двор и увидела готовую к путешествию карету. Она запрыгнула на сиденье кучера и погнала к городскому дому.

Остановив лошадей на заднем дворе, Белль прошла через сад и вошла в дом. До нее стали доноситься приглушенные мужские голоса, но она не могла разобрать их. Она ускорила шаг и влетела, словно фурия, в залу. Картина, представшая перед ее глазами, лишила ее дара речи, она приоткрыла рот, словно выброшенная на берег рыба, которой не хватает воздуха. Ее отец сидел на полу, держась рукой за грудь, красное пятно, расплзающиеся по жилету говорило само за себя о происшедшем здесь. Молодой человек в черном камзоле и черных кожаных штанах, стоявший с опущенной шпагой

неподалёку от г-на Д'Амбре, выглядел растерянным.

– Я не хотел... – промямлил он, уставившись испуганными глазами на Изабеллу, – он на меня сам напал. Клянусь всеми святыми, мадмуазель. Он пригласил меня в дом, а сам напал на меня здесь.

Девушка, не проронив ни слова, подошла к незнакомцу, ее взгляд был абсолютно пустым, но на точно прорисованных губах появилась кривоватая усмешка. В зале повисла тишина, и Изабелле даже показалось, что она может слышать свое сердце, отбивающее удары быстрее обычного.

– Я клянусь вам, мадмуазель, – снова в сердцах повторил мужчина, глядя на Изабеллу виноватыми бесцветными глазами, в которых не было ни капли лукавства.

– Я вам верю, – тихо прошептала Изабелла.

Ее взгляд словно гипнотизировал мужчину, так, наверное, смотрит немигающий удав на свою жертву. И от этого взора убийца словно впал в транс, он тонул в омуте девичьих карих глазах. И когда ее взгляд коснулся самых глубин его души, он начал испытывать доверие к этой беззащитной молодой наивной девушке. Нежная улыбка благодарности осветила его лицо, и он склонился в поклоне, чтобы произнести слова признательности. В этот момент Изабелла тихо прошипела:

– Но это был мой отец! – и с этими словами она резко вытянула из волос заколку-кинжал, подаренную Диего Альваресом, и всадила ее в глотку мужчины по самую рукоятку,

затем, через долю минуты выдернула ее, словно пробку из бутылки, и из раны побежала кровь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.